

Аспекты

В.Н.Наумчик, доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой педагогики социокультурной деятельности
БГУК

“ТРУДНЫЕ” УЧЕНИКИ, ИЛИ УЧАЩИЕСЯ С ПРОБЛЕМАМИ

Но так уж человек устроен:
Он и в покое неспокоен.
Где нет печалей и забот,
Он сам беду себе найдет.

Р.Бёрнс

Девяностые годы прошлого столетия — годы реформирования всего уклада нашего общества, в том числе и образования. Любая реформа призвана вселять уверенность в будущее. Реформа образования девяностых — это водораздел между образованием периода перестройки и новым образованием, отражающим нарождающиеся рыночные отношения.

Рассматривая реформу в образовании как архимедов рычаг, способный сместить акцент в педагогической политике государства, следует остановиться на проблеме “трудных” детей и детской преступности. Статистика здесь неутешительная. За 2001 год в республике с участием несовершеннолетних совершено около 10 тыс. уголовных преступлений, более 4000 родителей лишены родительских

прав, на учете в инспекции по делам несовершеннолетних состояло около 18 000 человек и около 6000 неблагополучных семей. Ежегодно в правоохранительные органы поступает большое количество заявлений об исчезновении несовершеннолетних. За появление в нетрезвом состоянии и распитие спиртных напитков в общественных местах ежегодно привлекается к ответственности около 20 тыс. подростков, много детей задерживается за бродяжничество. И еще один тревожный симптом последних лет — рост жестоких и преступных действий некоторых родителей по отношению к своим детям, равно как и детей в отношении родителей. Увеличилось количество убийств и увечий детей своими родителями.

Таким образом, проблемы, которые были характерны для положения детей Беларуси еще в начале 90-х годов, не только не разрешились, но и еще более обострились.

Ухудшение экономического и социального положения взрослых людей приводит к ухудшению положения их детей. Растущая бедность, увеличение числа неполных семей, распространяющаяся безработица, алкоголизм приводят к тому, что родители не могут, а часто и не хотят воспитывать детей в соответствии с правовыми и моральными нормами. Согласно статистике в республике распадается каждая вторая семья, ежегодно отказываются от новорожденных около 500 матерей, вне брака рождается около 8 тыс. детей, из них более 300 у несовершеннолетних матерей. Все это приводит к увеличению числа преступлений.

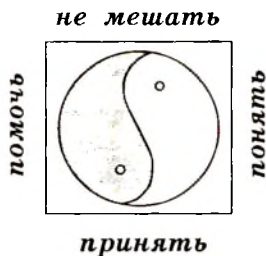
Конечно, с детьми, нарушившими закон, ведется соответствующая работа. Но педагогов должны волновать и волнуют истоки противоправного поведения школьников, его мотивы. Приведенная статистика свидетельствует прежде всего о том, что подросток находится вне влияния школы и семьи. Да, формально он живет в семье, у него есть родители, он ходит в школу, но позитивное влияние этих институтов социализации слабеет, и ребенку предоставляется возможность самому делать рискованный выбор, не отвечая за последствия.

Попытки самоутверждения через учебную деятельность, как это было в младшем школьном возрасте, в подростковой среде обеспечиваются снижением престижа школьных знаний. То же можно сказать и про другие виды “социально разрешенной” деятельности, где подросток так или иначе чувствует себя “ущербной” личностью. Нарушенные связи в семье, которые проявляются в первую очередь через потерю эмпатии родителей к детям и наоборот, закрывают перед формирующейся личностью еще один традиционный канал самоутверждения. Это в свою очередь толкает подростков на поиск тех социокультурных ниш, которые хоть как-то могут дать выход невостребованной энергии. На первый взгляд, такой нишей является сфера досуга. Однако ее коммерциализация, превращение в “индустрию досуга” позволяют говорить об интериоризации личностью не истинных ценностей, а их суррогатов.

Вот почему представляется целесообразным взглянуть на проблему профилактики правонарушений с позиции педагога, заинтересованного в исследовании причин явления, а не его последствий. А истоки девиантного поведения детей надо искать еще в дошкольном возрасте, когда “каждый из нас был гениален”. “Трудный” ребенок может быть гениальным и не очень, в меру дисциплинирован и упрям. Однако важно в юном возрасте разглядеть те индивидуальные особенности, которые в дальнейшем будут выводить воспитателей из равновесия и станут причиной появления “трудного” человека. Чтобы этого не произошло, следует вести педагогическую работу с позиции ненасилия. Многим это кажется невыполнимым, другие видят в ненасилии перспективу своего педагогического совершенствования. Так, руководители школ Партизанского района г. Минска отмечали, что педагоги в основном заняты **формированием** личности, а не ее **становлением**. И если первое по своей сути есть насильственный процесс, то становление личности следует рассматривать как ее ненасильственное, природное развитие.

Одна из групп минских учителей в качестве символа подростка предложила “белый квадрат”.

БЕЛЫЙ КВАДРАТ

Белый квадрат — символ того сложного подростка, с которым мы сталкиваемся. Перед нами нечто загадочное, непонятное, на первый взгляд, пугающее, может быть, даже отталкивающее. Белый цвет включает все оттенки спектра, значит, там действительно находятся все цвета. Девиз педагогов — *принять, помочь, понять и не мешать.*

В середине квадрата — восточная эмблема, где слиты в едином круге контрастные противоположные начала и каждое содержит в себе зачаток другого. Это значит, что противоречия как бы разрывают целое, на самом деле они слиты в одном, здесь нет абсолютно положительного и абсолютно отрицательного. Каждый человек содержит в себе эти качества, и следует постараться слить противоречивые начала в гармонию, что станет толчком для развития.

Интересно взглянуть на нашу проблему не с позиции кабинетного ученого, а глазами самого подростка, способного анализировать свое поведение, реакцию окружающих и делать ретроспективные выводы.

Итак, наш собеседник — студент-физик Сергей С. Его студенческая биография не безмятежна. Но он оптимист. Академической задолженности нет, активен, обладает чувством юмора, проводит определенную общественную работу, пытается включиться в бизнес, многие ему завидуют. При обсуждении проблемы “трудных” Сергей представился нам как типичный “трудный” подросток (в прошлом).

Вот как Сергей вспоминает свои дошкольные годы. “Детсад помню хорошо, то есть только хорошее. Пользуясь нелегально получаемой от старшего брат информацией, удалось прослыть способным парнем, а природная застенчивость создала имидж думающего. Впрочем, уже тог-

да любил “повеселиться”, однажды я с друзьями вырыл яму в песке, куда благополучно провалилась воспитательница. За этот проступок я был “жестоко” вздрючен (отец не давал книжку “Похождение муравлика Ферды” два дня) и похвален за эрудицию и навыки следопыта, поскольку мы замаскировали яму очень недурно. Но вообще время текло спокойно и размеренно, прерываемое только драками (которые, впрочем, были на редкость не жестокими), прогулками, занятиями и обедами”.

Конечно, дошкольный опыт — первые попытки социализации ребенка. Этому периоду характерно бурное “экспериментирование” с игрушками, вещами, животными, с людьми. Ребенок прекрасно запоминает сияющее лицо родителей, когда его поступок оправдал их ожидания, или нахмуренный взгляд воспитателей, когда его “эксперимент” вызывал нежелательный эффект. Ребенка пока мало волнуют последствия собственного опыта — ему важен произведенный эффект. Очевидно, “яма” на территории детсада была не так уж и велика, но то, что взрослый человек оступился, угодив в замаскированную ямку, вызвало смех “следопытов” и их всеобщее одобрение. Это же послужило поводом для одного из первых противостояний ребенка и воспитателя. О случившемся были проинформированы родители, им необходимо было сделать “оргвыводы”. Позиция отца представляется рациональной: он обратил внимание своего “следопыта” на недопустимость подобных шуток и формально его наказал. Это “наказание” позволило ребенку еще два дня осмысливать свой поступок. Таким образом, отец подключил сознание сына к управлению собственным поведением.

Регулировать поведение человека должны не только эмоции, но и разум, т.е. рациональное. Если этого нет, то эмоции воспитателя восстают против эмоций ребенка, образуя два полюса: на одном из них — абсолютно неправый “трудный” ребенок. Так выглядит ситуация с точки зрения педагога, в системе отсчета ребенка все выглядит наоборот. Тем не менее уже в детсадовском возрасте ребенок делит

людей на тех, кто его понимает, и тех, кто не на его стороне. В дальнейшем, если педагоги не найдут подхода к ребенку, это противостояние может усиливаться.

А как чувствует себя ребенок в школе? На этот вопрос наш собеседник отвечает так: “В школе, в начальных классах, я был спортсменом и “хорошистом”, за стакан сока и булочку решал задачи по математике для всей “параллели” (когда в конце недели мы собирали “заработки”, то иногда пожирание “плодов” занимало целый урок).

В средних классах я был действительно “тихоней” и “примером для других”. Но школу не любил и появлялся там крайне редко (пришлось создать имидж болезненного и хилого создания). В восьмом классе познакомился с одной девчонкой. Мы часто сачковали уроки, слушали песни Цоя, “ДДТ”, “Крематория”, трепались на разные темы.

Все это время у родителей не было проблем со мной. Да и в старших классах их тоже не было, как, впрочем, и у учителей. Вот только с приходом весны, когда март на дворе, так меня почему-то условно исключали из школы (разумеется, с вызовом родителей)”.

Родители Сергея не замечали ничего необычного: успеваемость ведь неплохая, а исключение из школы — так с кем не бывает... Обратим внимание лишь на то, что наш весельчак имел несколько альтернативных компаний, доминирующими интересами которых были отдых и спорт, где подросток тоже самоутверждался: “Компаний у меня в то время было две: одна школьная (состоящая из таких же оболтусов, как и я) и еще спортивная (где были в основном спортсмены). В них я проводил все свое время”.

Кстати, и в школьном возрасте ребенок тщательно следит за оценкой своего поведения со стороны взрослых. Эти странные взрослые одними и теми же словами, но с разной эмоциональной окраской выражали самые противоположные качества. Бывший “трудный” отмечает: “Я был немало удивлен, узнав, что слово “бандит” может быть синонимом выражения “порядочный человек”. В одной из

школ директор на выпускном вечере сказал моему отцу: “Ну и бандит у тебя вырос. Весь в тебя, Олежка. Молодец! Вырастил-таки сына”. И Олежка в погонах подполковника, тщетно пытаясь скрыть удовольствие на лице, начинает вспоминать, как они озорничали”.

В школьные годы многие подростки “упиваются” предоставленной им свободой. Наш подросток отмечает: “В компаниях я проводил все свободное время. А еще я знал наизусть много рок-н-рольных песен и стебов. Пил, курил, любил танцевать, гулять по городам и знакомиться с девушками. Мог на электричках доехать с другом до Москвы, всю ночь петь песни под гитару и танцевать рок-н-ролл на проспекте, а потом, вернувшись домой, рассказывать родителям о трудностях спортивных сборов”.

Так кто же такие “трудные” дети? Саморефлексия нашего собеседника приводит его к следующим выводам.

“Трудные” дети — понятие относительное (шалили в детстве все, но вопрос — как?). Оно придумано педагогами и служит для обозначения таких индивидуумов, нетривиальное поведение которых лишило воспитателей спокойной жизни и поставило их в настолько затруднительное положение, что им ничего не оставалось, как расписаться в собственном бессилии, дав ярлык “прокаженного”.

“Трудные” дети — ярлык, который напоминает диагноз врача, объявившего о неизлечимой болезни. После такого определения, само собой разумеется, о человеке должны заботиться работники милиции и врачи-психиатры. Многие сразу хотят оградить себя от общения с “трудными”. “Трудные” дети — это, как правило, не отличники, им ничего не интересно. Это хулиганы, протирающие штаны, сидя на лавочке, и ищущие, чем бы заняться. “Трудные” дети — это будущие уголовники. По ним “плачет” тюрьма, и для работы с ними создаются отделы в МВД. Развивая мысль о “трудных”, Сергей неожиданно приходит к весьма емкому обобщению: “А я считаю, что “трудными” называют тех, кого не хотят понимать. Мне кажется, что “трудные дети” — это люди в “трудном возрасте”, а он у каждого свой”. Замечательное определение! Итак, источни-

ком “трудности” является **одиночество** человека и **непонимание** его. Человек по природе своей очень боится одиночества, оно сказывается на его психике и иногда приводит к серьезным психическим травмам.

Отсутствие общения лишает человека привычного образа жизни. Известный советский суицидолог А.Г.Амбрумова определяет чувство одиночества как эмоциональное сопровождение неудовлетворенной специфической потребности человека. Американский психолог Р.Вейс конкретизирует это понятие, расценивая одиночество как соответственно эмоциональную и социальную изоляцию. Первое вызвано отсутствием привязанности к конкретному человеку, а второе — отсутствием доступного круга общения.

Американский ученый Д.Янг сформулировал 12 синдромов одиночества:

- неспособность оставаться одному;
- низкое самоуважение, заниженная самооценка;
- социальная тревожность, неуверенность в общении;
- коммуникативная неуклюжесть, отсутствие навыков общения;
- недоверие к людям;
- внутренняя скованность, неспособность к самораскрытию;
- трудности выбора партнера, страх быть отвергнутым из-за низкого самоуважения;
- социальная тревожность, сознание (часто ложное) своей непривлекательности;
- боязнь эмоциональной близости;
- неуверенная пассивность, неопределенность в оценке собственных чувств;
- нереалистические ожидания;
- слишком жесткие нормы и требования.

Одиночество в школе, дома компенсируется на улице. Здесь подростка привлекают такие наиболее легко усваиваемые атрибуты взрослости, как курение, употребление спиртных напитков, сквернословие, бродяжничество, созерцательно-развлекательные формы проведения досуга.

Быстро и легко подростки овладевают “запрещенными” приемами психологической защиты и нападения, которые встречаются в арсенале взрослого человека: вытеснение неприятных представлений о последствиях своего проступка, хитрость, обман, открытый негативизм или конформное подчинение требованиям, демонстрация физической силы, агрессивность, грубость, угроза, шантаж. Первоначально такие проявления поведения могут служить защитой от не тактичности, чрезмерных нравоучений, несправедливых обвинений и негативных оценок, от посягательства на мир интимных чувств, интересов, представлений. В последующем они могут использоваться подростком для оказания активного сопротивления действиям тех педагогов и родителей, которые не сумели вовремя переключиться с воспитательной модели “послушания” на модель “относительно равноправного взаимодействия”.

Таким образом, мы видим, что трудновоспитуемость может возникнуть в семье, в детском саду, в школе, в вузе или в трудовом коллективе. Проявляется она, как правило, в процессе общения людей в виде антагонистических подходов к решению важных для обеих сторон проблем. Однако если спорящие стороны имеют различный социальный статус, то сторона с “меньшим весом”, как правило, проигрывает и получает определение “трудной”. Школьные годы — серьезное испытание для ребенка, особенно если он “трудный”. Как иронично заметил Сергей, “когда-то за то, что тебе семь лет, давали десять лет колонии легкого режима, теперь дают одиннадцать и в шесть”. Хочется надеяться, что реформа образования разрушит такое представление о современной школе.

